

Михаил Геннадьевич СТЕПАНОВ —
старший преподаватель кафедры истории России
Института истории и права
Хакасского государственного университета, (г. Абакан)
кандидат исторических наук
stepanovm@yandex.ru

УДК 930 (091)

**ДИСКУССИИ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ (1928–1953 гг.)
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**
**DISCUSSIONS AROUND THE PROBLEM
POLITICAL REPRESSIONS (1928–1953)
IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

АННОТАЦИЯ. В статье представлен обзор современной отечественной историографии, посвященной следующим дискуссионным проблемам: определение информативной возможности и исторической достоверности архивных данных по различным аспектам политических репрессий в СССР (1928–1953 гг.) и основные оценки последствий репрессивной политики.

SUMMARY. The article gives a review of modern Russian historiography devoted to the following debatable problems: detection of an informative opportunity and historical reliability of archival data on various aspects of political repressions (1928–1953 years) in the USSR and the basic estimations of repressive politics consequences.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Историография, террор, сталинизм, политические репрессии.

KEY WORDS. Historiography, terror, Stalinism, political repressions.

В данной статье «политические репрессии» рассматриваются как элемент политического действия, как вспомогательный способ побуждения общества к определенному унифицированному поведению. Политические репрессии проявляются в многообразных формах и методах преследования общественных элементов — аресты и осуждения по «контрреволюционным преступлениям», насильственное принуждение граждан со стороны властей к выполнению определенной профессиональной деятельности, как в системе сельского хозяйства, так и в промышленности.

Задача, поставленная автором в данной статье, имеет два аспекта: 1) проанализировать дискуссию вокруг проблемы определения информативной возможности и исторической достоверности архивных данных по различным аспектам сталинских репрессий в СССР; 2) установить состояние научной разработки проблемы последствий политических репрессий в СССР (1928–1953 гг.).

Немаловажной проблемой современной отечественной историографии, которая заслуживает отдельного рассмотрения, стал вопрос определения информативной ценности архивных материалов. Ограничение доступа широкого круга исследователей к архивным материалам и фрагментарность части данных в современной отечественной исторической науке породили проблему соотношения, объективности данных центральных и региональных архивов. В частности, это хорошо

иллюстрирует полемика, разгоревшаяся между двумя специалистами в области политических репрессий 1928–1953 гг. — В.Н. Земсковым и Л.И. Гвоздковой.

Кемеровская исследовательница Л.И. Гвоздкова в своей монографии отметила, что цифры, которыми пользуется московский историк В.Н. Земсков и другие исследователи, «не могут стать истиной в последней инстанции, т.к. его статистика численности лагерного контингента основана на базе лишь отчетов ГУЛАГа, отчетов начальников лагерей Главному управлению» [1; 370], в результате чего объективность данных, приводимых В.Н. Земсковым, подвергается сомнению.

Л.И. Гвоздкова, доказывая свою позицию, выдвигает следующие аргументы: «Во-первых, В.Н. Земсков, по всей видимости, не работал с местными архивами низовых структур ГУЛАГа, следовательно, не владеет в полной мере ситуацией. Думать, что цифры, посылаемые в центр, всегда объективны и единственно верны, по меньшей мере ненаучно. Отчеты и статистика, сохранившиеся по лагерной теме в местных управлениях внутренних дел, доказывают, что на местах имелись две канцелярии: официальная и неофициальная. Знакомство с местными материалами дает нам право утверждать, что в центр отправлялись откорректированные сведения, часто не совпадавшие с теми, что оставлялись на месте.

Во-вторых, В.Н. Земсков неправомерно отстаивает свою позицию по поводу того, что выгодно и что невыгодно было органам НКВД. Нельзя забывать, что на местах бывали случаи (и нередко) когда органы НКВД расправлялись с гражданами не по инструкциям из центра, а по личной инициативе» [1; 371–372].

Кроме того, Л.И. Гвоздкова считает, что говорить о численности заключенных в лагерях Кузбасса приходится с большими оговорками и рассчитывать на точность цифр невозможно. Архивы на сегодняшний день далеко не все открыты, либо в них когда-то произвели чистку материала [1; 373].

Оппонент Л.И. Гвоздковой, московский историк В.Н. Земсков критикует А.В. Антонова-Овсеенко и Л.Э. Разгона, которые обвиняют его в фальсификации и недостоверности данных.

В.Н. Земсков, аргументируя свою точку зрения, пишет: «Доводы, которые привела сама Гвоздкова, совершенно неубедительны и не подтверждают факта существования «двух статистик». Мы допускаем, что указанное очковительство имело место, но в крайне ограниченных пределах, поскольку посылать в Москву заведомо ложные данные о численности заключенных или спецпоселенцев — это должностное преступление, на которое большинство соответствующих должностных лиц, конечно же, не могло пойти из чувства осторожности и самосохранения. С конца 1980-х гг. и до настоящего времени вышли десятки научных исследований и сборников документов с комбинированным использованием материалов центральных и местных архивов, и их содержание начисто опровергает всякого рода домыслы относительно мифических «двух статистик». Бесспорно также, что по степени достоверности содержание документов центральных и местных архивов примерно равноценно и поэтому для их гипертрофированного противопоставления, как это сделала Л.И. Гвоздкова, нет абсолютно никаких оснований» [2; 14].

Следует отметить, что точка зрения, выдвинутая Л.И. Гвоздковой, получила поддержку ряда современных ученых. В частности, специалист в области истории советской пенитенциарной системы А.С. Смыкалин заявляет, что «показатели, опубликованные В.Н. Земсковым, иногда расходятся с данными региональных архивов страны» [3; 10–11].

И.В. Павлова поставила проблему интерпретации исторических источников по истории советской России 1930-х гг. Автор, на наш взгляд, небезосновательно считает, что источники сталинского времени не просто идеологизированы, но и значительно искажают смысл событий [4; 56].

Т.В. Чебыкина отмечает, что в современной отечественной историографии обозначилась тенденция гуманизации исследований, в связи с этим представляет интерес такой массовый источник, как личные дела спецпоселенцев, к категории которых были отнесены большинство депортированных народов [5; 167].

Исследовательница пишет: «Отличительной чертой личных дел как источников по истории советского периода является их социально-биографическая основа. И это касалось не только тех, на кого заводилось дело, но и их родственников. Огромное количество биографических сведений, источником которых служили и сами спецпереселенцы, и другие граждане, и государственные структуры, свидетельствуют о пристальном внимании существовавшего тоталитарного режима к жизни тех, кто подпадал под подозрение только за принадлежность к определенной национальности. Потому личные дела спецпереселенцев приобретают большое значение среди массовых источников по истории принудительных этномиграций в сталинский период» [5; 169–170].

Интересное мнение представлено А.К. Соколовым в работе «Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика». В ней автор, признавая огромную важность нового знания о советском прошлом, которое дают материалы спецслужб, делает немаловажное замечание: «Не стоит абсолютизировать эти специфические источники. Одной из настораживающих тенденций стал «ореол правдивости и достоверности», складывавшийся вокруг документов под грифом «секретно», а также их противопоставление открытым материалам, изданным в советское время. Это давало простор откровенным фальсификациям, передержкам и подтасовкам, которые критически не оценивались и вовремя не разоблачались. Более того, отдельные сенсационные источники зачастую выхватывались из общего массива делопроизводственных документов, из исторического контекста, игнорировался принцип комплексного подхода при их изучении» [6; 149].

Среди наиболее ценных массовых, относительно доступных, но пока малоизученных делопроизводственных источников по истории политической юстиции А.К. Соколов выделяет следственные дела подозреваемых, а также тюремные и лагерные дела заключенных» [6; 155–157].

Дискуссионный характер носит и проблема оценок сталинских политических репрессий в отечественной историографии. На наш взгляд, в настоящее время можно выделить ряд оценочных подходов.

Первый подход сводится к пониманию репрессий периода сталинской диктатуры как политики геноцида в отношении собственных граждан, «демографической катастрофы» [7], [8], [9].

Второй подход — репрессии как целенаправленная политика государственного террора [10].

Третий подход — репрессии как структурный элемент сталинской модернизации [6; 149, 155, 157].

Четвертый подход — репрессии как свидетельство кризиса и агонии сталинской диктатуры [11].

Пятый подход — репрессии как составной элемент политической системы, созданной в период правления И.В. Сталина, их функционирование объясняется антисоветскими настроениями в обществе [12].

Шестой подход — сталинские репрессии как деформация ленинских принципов построения социализма [13].

Седьмой подход — репрессивная политика обернулась серьезной деформацией нашего национального характера и общественного сознания (культивировались равнодушие, пассивность, двойная мораль, сошла на нет потребность брать на себя ответственность за собственную судьбу и судьбу своих детей) [14].

Спорный характер в отечественной исторической науке носит и проблема определения числа репрессированных в СССР граждан.

Часть отечественных исследователей придерживаются данных официальной государственной статистики.

А. Дугин, используя данные фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации — прим. авт.) пишет, что в годы сталинизма по политическим мотивам было репрессировано 3,6–3,7 млн человек. Кроме того, А. Дугин привел текст докладной записки от 1 февраля 1954 г. на имя Н.С. Хрущева [15; 26].

Л.И. Гвоздкова пишет, что «если верить прессе, (а точнее, данным докладной записки от 1 февраля 1954 г. на имя Н.С. Хрущева — прим. авт.) в период с 1921 по 1954 гг. в судебном и внесудебном порядке было репрессировано за «контрреволюционные преступления» 3777380 человек, при этом к высшей мере наказания приговорено 642980 человек, к заключению — 2369220, к ссылке — 765180 человек» [16; 39].

В.Н. Земсков в своей статье отмечает, что в 1920–1930-х гг. по политическим мотивам было осуждено более 3 млн человек, из них 14,5% (416932) — в 1920-х гг. и 86,5% (2663642) — в 1930-х гг. Следует отметить, что на два года (1937–1938) приходится 43,7% осужденных «врагов народа» (1344923), а на остальные 18 лет (1921–1936 и 1939–1940) — 56,3% (1735661). Из этого числа в места заключения, ссылку и высылку было направлено в 1921–1940 гг. 2128298 осужденных по политическим мотивам, в том числе 16,4% (348843) — в 1920-х гг. и 83,6% (1779455) — в 1930-х гг. [2; 58].

В 1920–1930-х гг. из общего числа осужденных по политическим мотивам 749421 человек был приговорен к ВМН, из них 5,9% (43952) — в 1920-х гг. и 94,1% в 1930-х гг. За остальные же 18 лет (1921–1936 и 1939–1940) к смертной казни было приговорено 67729 человек (9%) [2; 59].

В.В. Лунеев уточнил, что последнее официальное заявление о числе репрессированных граждан в СССР было сделано начальником Центрального архива МБ РФ (ныне ФСБ РФ) А. Краюшкиным. В своем интервью в 1993 г. он сказал, что, если исходить из наличных уголовных дел, за контрреволюционные преступления с 1917 по 1990 гг. было осуждено 3853900 человек, из них 827955 расстреляно [17; 74].

Однако позиция тех историков, которые ссылаются на данные государственных органов, была подвергнута критике со стороны И.В. Павловой. В качестве составителя второго выпуска альманаха «Возвращение памяти» она обратила внимание на то, что «обобщающие» официальные данные включают только число официально репрессированных, т.е. осужденных, и не включают жертв голода в разные годы Советской власти, погибших спецпереселенцев, лиц депортированных национальностей [18; 3].

По мнению И.В. Павловой, «сторонники официальной статистики внедряют мысль о том, что жертвами террора стали не десятки миллионов людей, а всего около 4 млн, а расстреляно и того меньше — каких-то 800 тысяч». Автор пишет: «Неужели неясно ни работникам органов безопасности, ни историкам В. Земскову и А. Дугину, что это цифры ложные, сфальсифицированные, даже если они учитывают только заключенных ГУЛАГа; что они не могли быть иными при системе власти, в которой ложь была возведена в принцип государственной политики. Неужели неясно, что каждый документ должен быть сопоставлен с целым рядом других, прежде чем преподноситься в виде истины» [18; 4].

Новосибирский историк С.А. Папков справедливо заметил, что одним из самых сложных вопросов в изучении репрессивной сталинской политики остается вопрос о численности людских потерь: «Поиски ответа на него до сих пор наталкиваются на труднопреодолимое препятствие — отсутствие достаточно надежных источников. Если в определении общего числа жертв в СССР периода 1930-х гг. уже достигнуты отдельные результаты, и статистика, извлеченная из архивов историками, обретает какие-то рамки, то на региональном уровне дело обстоит иначе» [19; 255]. Безусловно, можно согласиться с замечанием автора о том, что Указ Президента России о передаче документов исторического характера из фондов бывшего ОГПУ-НКВД-КГБ в большинстве случаев не выполняется или просто игнорируется. Таким образом, исследовательская работа по выяснению последствий сталинской политики по-прежнему откладывается на неопределенный срок. Единственным направлением, в рамках которого еще продолжается восстановление картины сталинской эпохи, остается публикация списков жертв политических репрессий [19; 255–256].

Таким образом, можно констатировать, что проблематика сталинских политических репрессий в СССР сохраняет свою актуальность. Представленные мнения современных историков на проблему доступа и определения информационной ценности архивных материалов, отражающих репрессивную политику периода сталинской диктатуры, во многом сходны, т.к. подчеркивают сложность работы с архивной информацией такого рода. Другая проблема, которая получила широкое обсуждение — это интерпретация исторических источников, определение их информативности, достоверности и объективности. Исследователи справедливо призывают не абсолютизировать материалы, извлеченные из архивов спецслужб. Кстати, та же самая полемика о «двух статистиках» является следствием часто возникающих вопросов по поводу достоверности информации. На наш взгляд, данная ситуация будет оставаться в таком состоянии, пока не будет открыт широкий доступ для исследователей к архивным источникам по теме сталинских политических репрессий. Кроме того, в современной исторической науке выработан ряд принципиальных подходов в оценке рассматриваемой проблемы, порой кардинально отличающихся между собой. Дискуссионный характер носит и вопрос масштаба репрессий в СССР. Исследователям необходимо учитывать информативные возможности не только центральных, но и региональных архивохранилищ, которые порой могут дать уникальный материал по проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Б.и., 1997. 516 с.
2. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.

3. Смыкалин А.С. Пенитенциарная система Советской России 1917–начала 60-х гг. (историко-юридическое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юридич. наук Екатеринбург, 1998. 42 с.
4. Павлова И.В. Интерпретация источников по истории советской России 30-х годов. Постановка проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 55–60.
5. Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Наказанный народ: По м-лам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. М.: Звенья, 1999. С. 118–128.
6. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под ред. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2004. 744 с.
7. Бестужев-Лада И.В. Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма // История СССР. 1989. № 5. С. 78–91.
8. Гринберг М.С. Уголовное право и массовые репрессии 30-х и последующих годов // Государство и право. 1993. № 1. С. 63–73.
9. Ципко А.С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 40–48.
10. Уйманов В.Н. Репрессии: как это было. (Западная Сибирь в конце 20-х, нач. 50-х гг.). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1995. 336 с.
11. Ватлин А.Ю. Соппротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 20–37.
12. Аксютин Ю.В., Журавлев В.В. От Сталина к Брежневу. Авторитарно-бюрократическая система: генезис, эволюция, механизмы функционирования // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 324–334.
13. Курицын В.М. 1937 год в истории Советского государства // Советское государство и право. 1988. № 2. С. 109–119.
14. Яковлев А.Н. Крестосев. М.: Вагриус, 2000. 270 с.
15. Дугин А.Н. Сталинизм: легенды и мифы // Слово. 1990. № 7. С. 22–26.
16. Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1997. 54 с.
17. Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 66–79.
18. Павлова И.В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 4–36.
19. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 272 с.